

Чистейшего звука высокая власть

ПОРТРЕТ

Евгений ЭПШТЕЙН

На стене уютной квартиры, выходящей окнами в сад "Эрмитаж", фотографии великих скрипачей Иегуди Менухина, Яши Хейфеца, Жака Тибо.

— Между прочим, с автографами, — с гордостью пояснила хозяйка квартиры. — А вот у него, к сожалению, автограф взять не успела, — по-молодому звонко рассмеялась хозяйка, кивнув на портрет Бетховена.

Я в гостях у Галины Всеволодовны Бариновой. Людям старшего поколения это имя хорошо знакомо и дорого. Прекрасная скрипачка, дипломант Первого всесоюзного конкурса музыкантов (1933 год).

Его Величество — Случай

— Наверное, я просто не могла не стать музыкантом; первые звуки в моей жизни — фортепианные пассажи.

Это занималась ее мама, Мария Николаевна Баринова, профессор Петербургской консерватории, ученица Римского-Корсакова по композиции, а в искусстве игры на рояле стажировавшаяся в свое время у Бузони и Гофмана.

Неллох играл на фортепиано и отец Всеволод Гамалей — потомок старинного рода, упомянутого еще Пушкиным в "Полтаве". И, наверное, быть бы и дочке пианисткой, если бы не чистая случайность: во время короткого пребывания семьи в Швеции в одном из ресторанов, куда они зашли перекусить, играл оркестр. Ослепительно красивые музыканты в красных фраках, завораживающие звуки скрипок буквально сразили девочку, околдовали.

— Я хочу играть только на скрипке, — твердо заявила я родителям. И они, зная мой упрямый характер, перечить не стали: сразу по приезде в Петербург купили мне маленькую скрипку, пригласили в педагоги студентку консерватории, и я начала заниматься. Правда, увлечение скрипкой не помешало мне с таким же усердием учиться игре на рояле (по маминим руководством). Хотя тогда я еще не знала, что фортепианные навыки очень пригодятся мне в трудную пору жизни. А в шесть лет меня определили на младший курс консерватории к замечательному педагогу Павлу Иосифовичу Коханьскому.

Первые публичные выступления Гали Бариновой пришлось на трудные, голодные годы. Она играла в клубах перед солдатами, рабочими и очень гордилась своим успехом у слушателей и первыми гонорами: восьмилетней артистке платили ботинками, валенками, продпайком. А в десять лет уже дала сольный концерт, в котором играла произведения Грига, Сарасате, Мендельсона.

На семейном совете решили, что Гале надо учиться у кого-нибудь из больших музыкантов, и ее отправили в Берлин к знаменитому Карлу Флешу, одному из лучших в мире педагогов, но Флеш уезжал в Америку, а от-

пустить девочку одну за океан родители не рискнули. Поехала в Париж к Жаку Тибо и в 14 лет стала студенткой парижской "Эколь нормаль".

Жак Тибо

— Красивый, элегантный, веселый, типичный француз, всегда в окружении очаровательных дам, Жак Тибо излучал свет и тепло. В "Эколь нормаль" он приезжал раз в месяц и занимался с учениками только творчеством, а если замечал технические погрешности, решительно говорил: "К мсье Шайе!" (ассистент Тибо, на которого он возложил всю тяжесть педагогической работы).

— С маэстро я прошла множество произведений, и какое же это было наслаждение, когда Тибо брал в руки скрипку и показывал какой-нибудь эпизод, и я невольно попадала под его властное влияние. А уж концерты в зале школы на всю жизнь остались в памяти! Мы, ученики, жадно впитывали каждый звук и мечтали о том, чтобы когда-нибудь хоть чуть-чуть приблизиться к исполнительскому уровню нашего Учителя.

С Жаком Тибо Баринова встретила опять, но спустя десять лет, когда он с концертами приезжал в Москву. Днем она наслаждалась в Большом зале консерватории его исполнительским мастерством, а вечером принимала учителя у себя дома, а он как истинный парижанин, расточал комплименты кулинарным талантам своей ученицы, угощавшей маэстро черной икрой, приобретенной в ресторане.

И еще раз — случай

Ленинградскую консерваторию Галина Баринова окончила экстерном — после Тибо идти к кому-то было нелепо. Экзаменационная комиссия поставила ей высший балл, профессора говорили высокие, красивые слова. А дальше была тишина: почему-то на скрипачей в ту пору в Ленинграде не было спроса. Вот когда пригодились Галине мамы фортепианные уроки: она выступала по клубам, аккомпани-

ровала, импровизировала, устроилась на работу в кинотеатр "Унион" и сопровождала на фортепиано немые фильмы.

Трудно сказать, как сложилась бы жизнь молодой скрипачки, если бы ей не посчастливилось принять участие в Первом всесоюзном конкурсе музыкантов: она завоевала и звание дипломанта, покорила публике и публике глорновокругительным исполнением Концерта Паганини. Так открылись для Бариновой двери престижных залов Москвы, возможность выступления с оркестром Радиокомитета; ей давал консультации сам профессор Московской консерватории Л.Цейтлин, наконец, ее пригласили в штат Московской филармонии, и с той поры в свой родной Ленинград она приезжала уже гастролершей. Наконец-то Баринова вошла в элиту самых известных исполнителей, и ее концертные маршруты пересекли всю страну.

...Подарок Сталина

Отгремели последние залпы второй мировой войны. За ее тяжкие годы Г.Баринова не раз выступала в составе фронтовых концертных бригад. Руководители победивших держав собрались в Потсдаме, чтобы определить послевоенные судьбы мира.

Телефонный звонок из ЦК был, как всегда, деловит и директивен:

— Приготовьте концертные платья, возьмите побольше нот — завтра летите в Берлин для выполнения ответственного государственного задания.

Группу артистов, в которую входили Эмиль Гилельс, Владимир Софроницкий, Марина Козолупова, Галина Баринова и аккомпаниатор Александр Дедюхин, разместили на вилле Сталина в его кабинете.

— Я разложила скрипку на его письменном столе. Волновались все ужасно, даже всегда выдержанный Миля Гилельс позеленел. У меня дрожали колени, хотя на правительственных приемах и концертах я выступала неоднократно. Однако тут такая аудитория: Сталин, Молотов, Черчилль, Трумэн, Гарриман и еще какие-то важные фигуры!.. Мы шепотом обсуждали в своей "артистической", как прошла программа, когда в дверях появился Сталин в белоснежном кителе с золотой звездой на груди — словно вышел из рамы собственного портрета, висевшего на стене.

— Ваш концерт очень понравился гостям, — приветливо сказал он, — и они просят вас сыграть еще что-нибудь на "бис". Как, удовлетворим их просьбу?

Разумеется, мы согласились.

Когда гости ушли и мы остались в своем "домашнем" кругу, Сталин пригласил нас к столу, а Молотов обновил шампанским и фруктами.

— Отличный концерт, — сказал Сталин, — и музыка прекрасная. Но знаете, мы очень соскучились по нашим советским песням. Может, кто-нибудь из вас что-то сыграет?

Три пианиста — Гилельс, Софроницкий и Дедюхин — растерянно переглянулись, я поняла, что они ничего не сыграют, и решительно уселась за рояль. В тот вечер я переиграла, кажется, все

самые популярные песни, импровизировала, как когда-то в кино, и закончила куплетами "Сулико"! Успех был невероятный!

Нам вручили конверты, в каждом из которых было по десять тысяч рублей — огромные по тем временам деньги, на которые, вернувшись в Москву, я купила пианино. Вот это самое, которое вы видите. Я считаю его подарком Сталина.

Прикосновение к вечности

Первое послевоенное турне Галины Бариновой — в Финляндию. Ехали в эту страну с волнением: ведь совсем недавно были врагами; как-то встретят? Но опасения оказались напрасными: финская публика приняла симфонический оркестр Ленинградской филармонии с дирижером Евгением Мравинским и Якова Зака восторженно, осыпали розами (в марте!), газеты пестрели хвалебными рецензиями, любители музыки выстраивались в очередь за автографами.

— Успех успеха, а я жила в ожидании встречи, о которой давно мечтала. В программе нашего турне было посещение великого финского композитора Яна Сибелиуса. Нам сказали, что 84-летний маэстро живет довольно далеко от Хельсинки и почти никогда не выезжает со своей виллы. Мне хотелось увидеть автора скрипичного концерта, в который я буквально влюбилась, услышав его впервые по радио в исполнении чудесной французской скрипачки Жинетт Неве. Я выучила этот концерт за полтора месяца — как говорится, заболела им! И вот мы едем к композитору.

Сибелиус вышел к нам в элегантном, безупречно сидевшем на нем костюме, поцеловал с милой улыбкой мне руку и был так подтянут и приветлив, что невозможно было поверить в его возраст.

Мы беседовали о творчестве, об исполнительстве. Разговор зашел о побочной партии в финале концерта, в которой, как многие музыканты считают, автор использовал народную, танцевальную тему.

— Вы подслушали эту тему? — спросила я маэстро.

— Нет, — улыбнулся композитор, — я сам сочинил.

Я смотрела на скульптурно вылепленную голову собеседника, слушала его изысканную речь — мы беседовали по-немецки, — думала о том, что мне выпало великое счастье быть рядом с живым классиком. И словно в подтверждение моих мыслей на обратном пути Мравинский задумчиво произнес: — Такое ощущение, что мы прикоснулись к вечности.

Эта встреча имела продолжение: Галина Баринова играла с оркестром скрипичный концерт Сибелиуса в Колонном зале столицы, играла с особым вдохновением, потому что знала — автору сообщили о ее выступлении, и сейчас он сидит возле радиоприемника. А спустя несколько дней ей передали письмо от Сибелиуса, в котором были такие строчки: "Лишь очень немногие скрипачи способны передать мой концерт так выразительно, как это сделали вы. С глубокой благо-

дарностью. Ваш Сибелиус".

В год юбилея

В нынешнем году Галина Баринова отмечает 40-летие своей педагогической деятельности. А началась она случайно: артистка репетировала программу перед концертом в Большом зале консерватории. Проходящий через зал ректор консерватории Александр Васильевич Свешников вдруг спросил:

— А почему вы не работаете у нас?

— Меня никто не приглашал, — ответила Баринова.

— Считайте, что я вас уже пригласил.

Музыканту с ее опытом, эрудицией и талантом было чем поделиться с молодыми коллегами: вскоре Баринова получила доцентуру, а через несколько лет стала профессором Московской консерватории. Через ее заботливые руки прошли сотни молодых скрипачей, которые сегодня работают не только в России, но и во многих странах мира.

— Сейчас у меня осталось четыре студента — годы все же берут свое.

Кокетничает Галина Всеволодовна: ничего годы у нее не берут. Она по-прежнему вся в творчестве, хотя сама уже не выступает. Увлеченная работа над научными трудами, статьями, рецензиями, над пояснениями и комментариями к нотным изданиям, подготовка докладов, предназначенных не только для своего оркестрового факультета, но и для пианистов и не только литературного текста, но и музыкальных иллюстраций к ним в собственном исполнении: фрагментов из бетховенских фортепианных сонат и произведений Листа.

Так что ей ли говорить о годах?

— Галина Всеволодовна, судя по некоторым предметам в этой комнате, в вашей жизни были увлечения, не связанные с музыкой?

— А теннисная ракетка? Да я всю жизнь занималась спортом, и теннис — один из самых любимых видов. Я была завсегдаем кортов на Петровке. А еще были плавание, верховая езда и даже хоккей! Однако это только до той поры, пока однажды в игре я едва не сломала руку, и тогда пришлось оставить хоккейную клюшку ради скрипичного смычка. Я уверена, что именно спорт позволил мне сохранить работоспособность и ясность мысли до моих лет.

Заголовок статьи о "звезде" российской скрипичной школы и удивляющим всем своим житием человеке, я взял из стихотворения Анны Ахматовой. А недавно мне попались на глаза строки Гумилева:

Тот, кто взял ее однажды
в повелительные руки,

У того исчез навеки
безмятежный свет очей...

Надо вечно петь и плакать
этим струнам, звонким струнам,

Вечно должен виться, биться
обезумевший смычок...

Гумилев никогда не слышал игру Галины Бариновой, но мне почему-то кажется, что эти строки именно о ней.